

М 408

БОМБАРДИРОВАНИЕ ОДЕССЫ

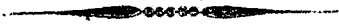
И ПОДВИГЪ

ПРАПОРЩИКА

(НЫНѢ ШТАБСЪ-КАПИТАНА)

ЩЕГОЛЕВА.

10-го Апрѣля 1854.

МОСКВА.

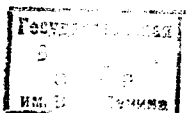
Въ Типографіи Н. Эрста.

1854.

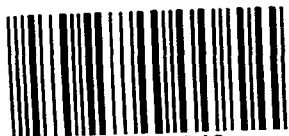
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Москва. 26 Іюля, 1854 года.

Ценсоръ *М. Похвисневъ.*

12552-65

2007059942

На Сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ недавнее время возникъ и красуется молодой, красивый и разнообразный по населенію городъ Одесса; далеко отстоитъ онъ отъ Первопрестольной матушки Москвы—на 1358 версть: но еще подальше отъ соперника своего, по правильности улицъ и по изяществу строеній, столичнаго нашего города С. Петербурга — 1726 версть раздѣляютъ два этихъ молодыхъ и очаровательныхъ городовъ Ружаго царства.

Въ Одессѣ и въ настоящее время есть свидѣтели возрожденія и постепеннаго его возрастанія. На мѣстѣ нынѣшней великолѣпной столицы Новороссійскаго края, стояла прежде Турецкая крѣпость и при ней небольшія Турецкія селенія. Есть нѣкоторыя указанія, что на мѣстѣ нынѣшней Одессы было торговое поселеніе еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., разрушенное Азіатскими кочевниками. Въ XIV и XV вѣкахъ существовала здѣсь крѣпость Качибей или Какубія, завоеванная Ольгердомъ и бывшая во власти Литвы до покоренія Турками Константинополя. Качибей былъ покоренъ Турками вмѣстѣ со всемъ берегомъ Чернаго моря, или разрушенъ, и потомъ неизвѣстно когда возстановленъ подъ именемъ Гадорибей. Первая и послѣдняя встрѣча

Русскаго оружія съ Турецкимъ, на мѣстѣ нынѣшней Одессы была въ 1789 году, во время второй Турецкой войны. Россія достигла на югѣ естественныхъ своихъ границъ на Черномъ морѣ.—Послѣ взятія Очакова Князь Потемкинъ далъ приказъ Генералу Гудовичу идти на Гаджибей, въ гавани котораго стоялъ тогда Турецкій флотъ. Гаджибейская крѣпость была небольшою четырехугольникомъ окруженный землянымъ валомъ, на которомъ стояло нѣсколько пушекъ; недалеко отъ него стояло небольшое Татарское селеніе. Незначительный гарнизонъ подъ начальствомъ двухбунчужнаго Паши Ахмета не могъ долго сопротивляться и Генераль де-Рибасъ, отряженный Гудовичемъ, взялъ приступомъ Гаджибей 14 Сентября

1789 года. Приобрѣтеніе его намъ стоило 5 убитыхъ и 33 раненыхъ. По миру, заключенному въ городѣ Яссахъ, Гаджибей навсегда присоединенъ къ Россіи.

Послѣ Турецкой войны, правительство употребляло всѣ старанія къ устройству на Черномъ морѣ военно-торговой гавани. Херсонъ и Николаевъ были неудобны по отдаленію отъ моря и мелководію устьевъ; Очаковъ тоже оказался неудобнымъ по той же причинѣ. Генераль де-Рибасъ назначенъ былъ присесть мѣсто для предполагаемаго порта, объявилъ, что нельзя найти для этой цѣли ничего лучше Гаджибейскаго залива и представилъ проекты объ основаніи тамъ города. Еще въ 1791 году Гаджибейскій рейдъ былъ избранъ гаванью для

гребнаго Черноморскаго флота, и для защиты этой гавани основана довольно значительная крѣпость на 120 орудій и для 2000 гарнизона. Проектъ найденъ удовлетворительнымъ и одобренъ тогдашнимъ главнымъ начальникомъ Новороссійскаго края графомъ Зубовымъ. 1794 года 27 мая Императрица Екатерина II подписала два рескрипта объ учрежденіи города Гаджибея, устройствѣ при немъ военной гавани, для гребнаго флота и купеческой пристани. Въ одномъ рескриптѣ на имя графа Зубова изображено слѣдующее: «желая распространить торговлю Россійскую на Черномъ морѣ и уважая выгодное положеніе Гаджибея и сопряженныя съ онымъ многія пользы, признали Мы нужнымъ устроить тамъ военную гавань, купно съ при-

станью для купеческихъ судовъ. Устроение гавани сей возложили Мы на вице-адмирала де-Рибаса и всемогуще-вѣйше повелѣли, быть ему главнымъ Начальникомъ оной, гдѣ и гребной флотъ Черноморскій, въ его командѣ состоящей, впредь имѣть будетъ главное разположеніе; работы же производить подъ надзираніемъ Генерала графа Суворова-Рымникскаго, коему поручены отъ Насъ всѣ строенія укрѣпленій и военныхъ въ той странѣ заведѣній, придавъ ему въ пособіе инженеръ-подполковника де-Волана, коего планъ города и пристани Гаджибея утвердивъ, повелѣли приступить, не теряя времени, къ возможному и постепенному произведенію онаго въ дѣйствіе. По таковомъ разположеніи повелѣваемъ открыть свободный входъ

въ Гаджибейскую гавань купеческимъ судамъ, какъ Нашихъ подданныхъ, такъ и чужестранныхъ державъ, коимъ въ силу трактатовъ съ Имперіей Нашею существующихъ, можно плавать по Черному морю, дозволяя привозить и нагружать для вывоза товары, законамъ незапрещенные, съ платежемъ пошлины по Черноморскому тарифу. Устроение въ семь мѣстъ таможи и карантина почитаемъ Мы необходимо нужнымъ, а потому и не оставьте поднести штаты однимъ къ Нашему утверждению съ суммами потребныхъ для таможи и карантиннаго строеній. Впрочемъ надѣемся Мы, что конечно не оставите способствовать вице-адмиралу де-Рибасу въ дѣлѣ, на него возложенномъ, всѣми зависящими отъ васъ средствами, дабы сіе благое предположеніе

наше могло вскорѣ получить свое сѣбытіе.» (П. С. Зак. т. XXIII № 17, 208).

Въ другомъ рескриптѣ на имя де-Рибаса, Императрица между прочимъ опредѣлила на первый разъ 26000 руб. для построения гавани. Графъ Зубовъ предписалъ Екатеринославскому губернатору Каховскому отвести подъ городскія строенія и выгонъ болѣе 50,000 десятинъ земли. Де-Рибасъ приступилъ съ живѣйшимъ участіемъ къ выполнению плановъ великой Императрицы.

Первый основатель Гаджибея, будущей Одессы, Іосифъ Михайловичъ де-Рибасъ родился въ Неаполѣ 6-го Іюня 1749 года. Онъ обладалъ всеми свойствами, необходимыми для того, чтобъ выйти въ люди во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ 1772 году,

онъ представился графу Орлову-Чесменскому, бывшему тогда въ Ливорно; оказалъ ему какую то услугу и получилъ отъ него рекомендательныя письма въ Россію. Дорогою онъ разспрашивалъ своего сопутника, Русскаго офицера, о характерѣ главныхъ вельможъ и о богатыхъ невѣстахъ. Узналъ, что Бецкій въ силѣ, любитъ иностранцевъ и имѣетъ воспитанницу, которой передаетъ все свое состояніе. Рибасъ по своей красотѣ и остроумію поправился и старикъ и его воспитанницѣ.

Бецкій выдалъ за него свою наследницу, записалъ его въ службу, гдѣ онъ получилъ въ скорости чинъ Маіора и доставилъ ему мѣсто надзирателя за молодымъ графомъ Бобрин-

скимъ. Рибасъ представилъ Потемкину проектъ объ улучшеніи флота, поспрился Князю Таврическому, получилъ чинъ полковника, а вскорѣ послѣ того и Генераль-Маіора. Взятіе Гаджибея было первымъ дѣломъ его на военномъ поприщѣ. — Рибасъ на военномъ поприщѣ былъ весьма разнообразенъ; изъ пѣхотнаго генерала дѣлается начальникомъ гребной флотиліи, въ Мачинскомъ сраженіи начальствовалъ кавалеріею, онъ участвовалъ въ переговорахъ о мирѣ съ Турецкими полномочными. При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ онъ былъ произведенъ въ Адмирала. — О хитрости и умѣ Рибаса можно судить изъ словъ великаго полководца Суворова, который уважая умъ Кутузова, сказалъ: «да, онъ уменъ, уменъ.... Его и Рибасъ не проведетъ!»

Юсифъ Михайловичъ де-Рибасъ скончался въ С. Петербургѣ въ 1800 году. Первыми гражданами города Одессы были самъ Рибасъ и его сослуживцы: Князь Волхонскій, Алтести, Деводанъ, Князь Контакузенъ, Шостакъ, Врето и др. Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій и до сихъ поръ существуютъ въ Одессѣ. Далѣе правомъ полученія земли воспользовались тогда же нѣсколько Русскихъ купцовъ, Грековъ и другихъ иностранцевъ. Съ 1795 года Гаджибей уже встрѣчается подъ именемъ Одессы. Наименованіе это придумано, какъ говорятъ, Императорскою Академіею Наукъ въ воспоминаніе древняго Элинскаго селенія *Одессоса*; (то есть великаго торговаго пути), находившагося въ 45 верстахъ отъ нынѣшняго города къ Сѣверу на

лѣвомъ берегу Тилигульскаго лимана, неподалеко отъ теперешней почтовой станции Троицкой.—Въ указъ 10 Января 1795 года, Гаджибей въ первый разъ наименованъ Одессою. По указу того же 1795 года 2 Октября жители оной получили слѣдующія преимущества: Прочно водворившіеся въ нѣхъ купцы и мѣщане освобождены на 10 лѣтъ отъ всякихъ податей и постоя; каждому новопоселяющемуся обѣщано денежное вспоможеніе. Одесса кромѣ того была назначена служить прибѣжищемъ для нашихъ единовѣрцевъ Грековъ и Славянъ, Турецкихъ подданныхъ. Для облегченія переселенія предписано было дать колоніи Грековъ и Албанцевъ землю въ окрестностяхъ Одессы, единовременно безъ возврата 10,000 руб. на построеніе

домовъ и 500 руб. на постройку церкви, кромѣ того 20,000 р. на хозяйственное обзаведеніе съ возвратомъ по прошествіи 10 лѣтъ въ 3 года. Для переселяющихся въ городъ велѣно было построить 53 дома и сверхъ того, еще давать подъемныя деньги.

Въ 1795 году въ Одессѣ считалось 2,549 душъ обоюго пола, а именно: 566 душъ помѣщичьихъ крестьянъ, записавшихся въ мѣщане, 500 казенныхъ поселенъ, 615 мѣщанъ изъ разныхъ губерній, 146 купцевъ, 240 Евреевъ, 224 Грека, 60 Болгаръ;—въ 1796 году былъ открытъ въ Одессѣ магистратъ и произведены въ 1-й разъ городскіе выборы. Городскимъ головою былъ выбранъ Андрей Желѣзцовъ. — Въ 1795 году въ Одесскій портъ при-

было 39 кораблей, 31 Турецкихъ и 8 Русскихъ. Разрѣшеніе вывоза пшеницы въ 1796 году, усилило торговлю Одессы. Въ этомъ году оказалось 86 пришедшихъ и 64 отшедшихъ кораблей. По кончинѣ Императрицы Екатерины II де-Рибасъ былъ отозванъ изъ Одессы, въ 1797 году въ ней считалось уже 3153 жителя и кромѣ 70 казенныхъ зданій, 352 дома было частныхъ; 223 землянки, 496 лавокъ и погребовъ, 17 складочныхъ магазиновъ, 5 фабрикъ, изъ коихъ одна была пудренная. Для иностранцевъ и выходцевъ учрежденъ былъ особый магистратъ, по примѣру городовъ Риги и Ревеля; въ послѣдствіи Русскій магистратъ былъ закрытъ, и дѣла его сданы иностранному. Впрочемъ это только затруднило Одесскихъ граж-

данъ. Попечитель иностранныхъ переселенцевъ въ Одессѣ, полковникъ Кесоглу, чрезъ посредство Генераль-Прокурора Князя Куракина обратился къ Императору Павлу со всеподданнѣйшей просьбой: 1) Объ откупѣ виннаго откупа въ Одессѣ, или отдачѣ онаго на содержаніе городу; 2) о пожалованіи городу грамоты, утверждающей права, дарованныя заграничнымъ переселенцамъ въ положеніи 19 Апрѣля 1795 года; 3) о дарованіи городу правъ порто-Франко; 4) объ учрежденіи для купцовъ заемнаго банка; 5) объ отдачѣ одного изъ казенныхъ домовъ для помѣщенія въ немъ магистрата и полиціи; 6) о пожалованіи городу герба. Нѣкоторые изъ этихъ просьбъ были уважены, именно: откупная продажа вина уничтожена на 10 лѣтъ, Маги-

страту пожалованъ казенный домъ, и героду гербъ.

Между тѣмъ молодая Одесса едва не погибла. Послѣ безснѣжной зимы, 1798—99 г. наступила засуха; сдѣлался неурожай, а саранча истребила и послѣдній хлѣбъ. Военныя дѣйствія на Архипелагѣ прервали сношенія Одессы съ торговыми городами Европы. Мореходцы, зная о прекращеніи постройки гавани, неохотно приходили въ Одессу. Капиталисты начали оставлять городъ, торговля упала... Въ этомъ крайнемъ положеніи магистратъ рѣшился обратиться къ милосердію Императора Павла, испрашивая значительнаго денежнаго пособія на постройку гавани, ибо отъ этаго зависѣло все благосостояніе города. Прошеніе было представлено Генералу Пр-

курору Беклешеву для доклада Императору. При семь ко двору, при выразительномъ письмѣ,—на Имя Императора, за подписью Бургомистра Деступи, ратсгеровъ и секретаря, 8 Февраля 1800 года,—были представлены свѣжис, привозные фрукты.

Императоръ Павелъ, милостиво принявши письмо это, удостоилъ слѣдующаго собственноручнаго Высочайшаго рескрипта.

«Господинъ Одесскій Бургомистръ Деступи! Присланные ко Миѣ отъ жителей города Одессы померанцы Я получилъ, и видя, какъ въ присылкѣ сей, такъ и въ письмѣ, при оней, Миѣ доставленные знаки вашего и всѣхъ ихъ усердія, изъявляю вамъ и всѣмъ

жителямъ Одесскимъ Мое благоволеніе
и благодарность, пребываю къ вамъ
благосклонный.

ПАВЕЛЪ.

С. Петербургъ
Февраля 26 дня 1800.

Вслѣдъ за этимъ рескриптомъ Императоръ повелѣлъ выдать городу Одессѣ на постройку гавани 250,000 руб. изъ экономическаго государственнаго банка, займообразно на 14 лѣтъ; и продлить льготы города еще на 14 лѣтъ. Гавань должна была строиться подъ завѣдываніемъ магистрата. Для устройства гавани былъ учрежденъ магистратомъ особенный комитетъ Эта благодѣтельная помощь спасла Одессу.

До восшествія на престолъ Импера-

тора Александра, Одесса, получивъ дарованныя ей льготы, была еще очень далека отъ того, чтобъ стать на чреду первостепенныхъ городовъ Россіи, потому что несогласія наши съ Англіею, и потомъ съ Франціею, препятствовали успѣхамъ торговли.

Послѣ Амiенскаго трактата дѣла приняли новый оборотъ, потому что Черное море было открыто для кораблей всѣхъ націй. — Но быстрое возвышеніе Одессы началось съ 1803 года, когда Императоръ Александръ поручилъ управленіе полуденнымъ краемъ Россіи Герцогу Ришелье. Этотъ знаменитый иностранецъ, удалившійся изъ Франціи во время ужасовъ ея революціи, посвятилъ всѣ свои способности на пользу новаго своего отечества, и оправдалъ довѣренность Русскаго

ИМПЕРАТОРА. Заслуги, оказанныя имъ Новороссійскому краю, неисчислимы, но всего яснѣе это въ Одессѣ, которая въ послѣдствіи воздвигла ему памятникъ, и сама служитъ живымъ памятникомъ его. Имя Герцога Ришелье, или *Дюка*, по общему, народному названію, произнесится до сихъ поръ съ благодарностію всѣми жителями Одессы. Онъ не просилъ новыхъ льготъ и преимуществъ для этого города, не хатайствовалъ капиталъ для раздачи строившимся вновь, заложилъ и окончилъ многія великолѣпныя зданія, ободрялъ всѣхъ словомъ и примѣромъ, и привлекъ къ себѣ сердца жителей правосуднымъ и кроткимъ управленіемъ. Вскорѣ Одесса стала многолюднымъ, красивымъ городомъ, и самыя окрестности ея оживились колоніями.

Немцевъ, Славянъ и Русскихъ, перевезавшихъ туда цѣлыми селеніями. Когда Герцогъ Ришелье возвратился во Францію и сдѣлался тамъ первымъ Министромъ, преемникомъ его былъ назначенъ заслуженный воинъ, Графъ Данжеронъ. Но истиннымъ преобразователемъ и благодѣтелемъ Одессы должно считать Генералъ-Губернатора Новороссійскаго края, впоследствии Главкомаандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Графа М. С. Воронцова. Во время своего многолѣтняго управленія всею южною Россією, онъ не только довершилъ, но и возвысилъ все начатое Герцогомъ Ришелье. По его ходатайству Одесса сдѣлалась и остается свободною гаванью, и одно это уже придадо городу необыкновенную силу. Магазины Одес-

скіе наполнены лучшими произведеніями всей просвѣщенной Европы, и въ этомъ отношеніи можетъ соперничать съ Одессою только одинъ Петербургъ. Улицы, площади и зданія города приняли новый видъ, достойный самой богатой столицы. Удобства общественной жизни привлекли въ Одессу многихъ богатыхъ и знатныхъ людей, которые поселились тамъ и придаютъ новый блескъ городу. Торговля двигаетъ въ немъ огромные капиталы и разливаешь довольство между всѣми классами жителей. Одесскій портъ, во время навигаціи, наполненъ кораблями всѣхъ націй. Карантинъ, это столь важное заведеніе для города, имѣвшаго (до начала настоящей войны съ Турками) непрерывныя сношенія съ Турціею и Египтомъ, странами, еже-

годно посѣщаемыми моровымъ повѣтріемъ, доведенъ до совершенства, и останется вѣчнымъ памятникомъ благодѣтельной заботливости Графа Воронцова. Но мало ли что еще сдѣлалъ онъ для Одессы! Этотъ городъ, прежде непроходимый отъ грязи, теперь устланъ прекрасными мостовыми и троттуарами, и это особенно поразительно, когда знаемъ, что большая часть камня привезена моремъ, напримеръ изъ Мальты. Прекрасный публичный садъ, улицы широкія, усаженные по сторонамъ деревьями, всюду жизнь, дѣятельность, довольство—вотъ благодѣтельныя послѣдствія мудраго распоряженія Правительства, ввѣрившаго управленіе обширнымъ Новороссійскимъ краемъ вельможѣ столь просвѣщенному.

Общественныя заведенія города обширны и устроены превосходно. Удобства для жизни безчисленны. Итальянскій театр, морскія купальни, клубъ, отлично устроенный, образованное общество, и наконецъ, больше всего, южный, благообразенный климатъ, ставятъ Одессу наравнѣ съ лучшими и старѣйшими городами южной Европы. По справедливости почитаютъ этотъ городъ третьею столицею Россіи.

И это преобразование бѣдной татарской деревеньки Гаджибей въ великолѣпную Одессу, совершилось лѣтъ въ сорокъ, потому что болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ Одесса была также блестяща, хотя не такъ обширна, и между тѣмъ она всего существуетъ пятьдесятъ пять съ небольшимъ лѣтъ.

Но таковы слѣдствія выгоднаго ея мѣстоположенія, и пресвѣщеннаго, можно сказать, мудраго управленія начальниковъ Новороссійскаго края! Съ каждымъ годомъ Одесса дѣлается многолюднѣе, богаче, прекраснѣе и просвѣщеннѣе. Тамъ средоточіе управленія всей полуденной Россіи, слѣдовательно мѣстопребываніе многихъ высшихъ и образованныхъ чиновниковъ. Тамъ Ришельевскій лицей, превосходное учебное заведеніе, и управленіе Одесскаго учебнаго округа. Можно предполагать съ увѣренностью, что при благополучномъ окончаніи настоящихъ событій, въ чемъ служить намъ вѣрною порукою могущество Россіи и мудрая прозорливость ея Державнаго Повелителя, цвѣтущая Одесса, окруженная всѣми благопріятными обстоятельствами, бу-

детъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ силѣ, богатствѣ, и слѣдается однимъ изъ лучшихъ Европейскихъ городовъ.

Окрестности Одессы украшаются прелестными дачами и милостивыми деревеньками. Путешественники въ особенности описываютъ дачи г-на Рено и г-на Стурдзы. Первая изъ нихъ чрезвычайно живописна: тамъ прекрасный домикъ, въ долину, на берегу моря, заслоненный крутымъ берегомъ. Эта дача достопамятна пребываніемъ въ ней Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Дача Г-на Стурдзы замѣчательна хоршимъ Англійскимъ садомъ, гдѣ множество цвѣтовъ и рѣдкихъ растений увлекаютъ чувство прїѣзжаго съ сѣвера. Нѣмецкія колонистскія деревни отличаются опрятностью и благоустройствомъ, — од-

нимъ словомъ, Одесса есть наша Генуа, нашъ Неаполь.

Но и Одесса, послѣ полувѣковаго своего мирнаго существованія, должна была подвергнуться испытанію и чрезъ него еще дружнѣе вступить въ многочисленную семью Русскихъ городовъ, въ предвѣстіе своей будущей значительности на стезѣ преуспѣянія Россіи.

Двѣ Христіанскія державы, Англія и Франція, пышно величающія себя защитницами правъ человѣчества и политическаго равновѣсія, но собственно подстрекаемыя завистью къ могуществу Россіи, предложили своекорыстную помощь свою Турціи, которая въ этомъ случаѣ послужила имъ толь-

ко предлогомъ для прикрытія ихъ неблагонамѣренныхъ дѣйствій. И вотъ Англія, всесвѣтная торговка, боясь, чтобъ не перебили у нея барышней, и Франція, забывъ штыки и колья, которыми угощали у насъ на Руси незваныхъ гостей, соединились общими силами, — потому что по одиночкѣ идти на насъ страшно, а на людяхъ и смерть красна, — и выслали свои корабли въ Черное море. Долго плавали они по его широкому раздолью, почуявъ надъ собою враждебныя силы, съ негодованіемъ пѣнило и воздымало оно свои сѣдыя волны, въ надеждѣ на свои неприступныя крѣпости и на молодецкую отвагу безстрашныхъ защитниковъ береговъ его. Чтоже оставалось дѣлать знаменитымъ союзникамъ, которые уже заранѣе поздравляли себя съ

побѣдами? Съ чего начать свои геройскіе подвиги? Не даромъ же, скрытно тая взаимную вражду, открыто хвалили они другъ друга, какъ петухъ кукушку; и надо же чѣмъ нибудь показать себя. Но съ чего начать? Съ какой крѣпости? Съ Севастополя? съ Николаева? Объ этомъ и думать нечего. Можно посмотрѣть на нихъ, только издали, или какъ говорится, показать шишъ изъ кармана, — а подойти близко—слуга покорный: вѣдь ядро не мячикъ, и на плечахъ не чужая, а своя голова.—Думали да гадали, вотъ и выдумали.

Роскошно раскинулась Одесса на берегу Чернаго моря. Дружески предлагаетъ она гостепріимный пріютъ всѣмъ заморскимъ пришельцамъ, поить и кормить ихъ и съ бога-

тыми дарами отпускаетъ обратно въ отечество, чтобы помнили они русскую хлѣбъ и соль. Могла ли она думать о томъ, что эти то самые люди сдѣлаются ея врагами, и, какъ отогрѣтая змѣя, вопьются въ ея грудь своими убійственными бомбами, не помышляя даже объ участи своихъ соотечественниковъ, которые нашли въ Одессѣ и пріютъ, и кровъ, и богатство и спокойствіе. Однако какъ бы то ни было, Одесса была обречена на жертву. Но для того, чтобъ приступить къ этому дѣлу, противному всѣмъ законамъ чести, которою такъ много хвастаются эти чужеземные пришлецы, надлежало избрать какой-нибудь благовидный предлогъ, представить себя оскорбленными мстителями за нанесенную обиду, чтобъ потомъ громко про-

возгласить о своемъ человеколюбіи и о великихъ своихъ подвигахъ. Нечего сказать, хитры на выдумки; умнѣ себя никого не ставятъ; да только не на тѣхъ напали и, какъ птица синица, много надѣлали шуму, а моря не зажгли.

Вотъ какъ происходило дѣло это съ начала до конца.

Замысливъ напасть на одинъ изъ самыхъ мирныхъ городовъ въ свѣтѣ, на городъ, который пріобрѣлъ названіе житницы Европы, и который, не далѣе, какъ въ минувшую зиму, смѣло можно было назвать кормилицею Англіи и Франціи, союзные Адмиралы, въ надеждѣ, что торговый городъ, съ незначительными, повидимому укрѣпленіями, не выдержитъ напора ихъ страшныхъ силъ, послали къ нему,

27 Марта, въ Субботу, въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра, Англійскій военный пароходъ «Фюри» въ 500 силъ, вооруженный 16-ю пушками. Онъ подошелъ на два пушечныхъ выстрѣла къ Одесской карантинной гавани. Съ берега слѣланы были два холостые пушечные выстрѣла, и пароходъ остановился на парахъ, но не бросая якоря, показалъ Англійскій флагъ и спустилъ на воду шлюпку подъ переговорнымъ (парламентарнымъ) флагомъ. Эта шлюпка подошла къ берегу, и на вопросъ находившагося въ ней Англійскаго офицера: «здесь ли еще Англійскій консуль?» дежурный на гавани офицеръ отвѣчалъ, что консуль уже выѣхалъ. Шлюпка воротилась къ своему кораблю, и когда отошла она отъ берега уже далѣе пушечнаго выстрѣла, то

Фрегатъ, пустивъ пары, двинулся къ берегу и подошелъ къ устроенному на немъ молу на рикошетный выстрѣлъ отъ батарей. Командиръ батарей на молѣ, исполняя данное ему приказаніе — препятствовать всякому военному судну подходить ближе пушечнаго выстрѣла, счелъ своею обязанностью выпалить уже не по парламентеру, котораго уважали до окончанія даннаго ему порученія, а по непріятельскому кораблю, который слишкомъ приблизился къ берегу, получивъ предварительно двумя холостыми выстрѣлами приглашеніе остановиться. По первому выстрѣлу пароходъ повернулся назадъ и при сильномъ попутномъ вѣтрѣ скрылся.

Черезъ четыре дня (2 Апрѣля), три военные парохода, два Англійскіе и

одинъ Французскій, явились предъ Одессою и подъ переговорнымъ флагомъ стали въ пушечнаго выстрѣла. Послали спросить ихъ, и они отвѣчали, что желаютъ имѣть удовлетворительное объясненіе о пушечномъ выстрѣлѣ противъ судна съ переговорнымъ флагомъ. Имъ объяснили, какимъ образомъ происходило дѣло, но словесное объясненіе показалось имъ недостаточнымъ, и они объявили, что будутъ ожидать письменнаго. Генераль-Адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ препроводилъ къ начальнику эскадры объяснительную ноту, въ заключеніе которой сказано.

«Это простое изложеніе дѣла, какъ объ ономъ донесено ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, должно опровергнуть, несбыточное впро-

чемъ предположеніе, будто въ Русскихъ портахъ не уважаютъ парламентарскаго флага, коего неприкосновенность ограждена законами, общими всѣмъ образованнымъ націямъ.»

Появленіе на Одесскомъ рейдѣ трехъ большихъ Англійскихъ и Французскихъ пароходовъ привело въ нѣкоторое безпокойство миролюбивыхъ и торговыхъ жителей. Многія семейства, жившія въ приморскихъ частяхъ, стали выѣзжать изъ Одессы, или перебираться въ болѣе удаленныя отъ моря части города или за городъ. Однако увидѣвъ мѣры, предпріятыя начальствами, они убѣдились, что безопасность города обезпечена, и толпами устремились къ морскому берегу, чтобы посмотреть на непріятельскія суда.

Со времени существованія города Одес-

сы, онъ не видалъ подобнаго зрѣлища. Во время переговоровъ и ожиданія, три парохода бросились на десятокъ несчастныхъ работажныхъ судовъ, въ которыхъ три-четыре человека везли себѣ припасы. Суда были ими захвачены. Одно изъ нихъ, чтобъ спастись, кинулось на мель. Это печальное зрѣлище возбудило негодованіе всѣхъ жителей города, состоявшихъ болышею частью изъ иностранцевъ, и сбѣжавшихся на бульваръ, чтобъ видѣть, какъ болыше военное судно преслѣдуетъ и поражаетъ ядрами слабую лодку, держась однакоже само за выстрѣлами нашихъ скромныхъ батарей, недавно построенныхъ на-скоро. Эти три парохода ушли на другой день, везя на буксирѣ захваченныя ими суда съ экипажемъ.

Отвѣтъ, посланный Генераль-Адъютантомъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, показался союзнымъ Адмираламъ неудовлетворительнымъ.

8-го Апрѣля, въ страстной Четвертъ по утру, Англо-Французская эскадра, состоявшая изъ 19-ти линейныхъ кораблей и 9 парходовъ, стала въ трехъ тысячахъ метрахъ отъ Одессы и постепенно выстроилась въ виду города въ длинную линію.

Уже прежде того слухи о бомбардировкѣ заставили нѣкоторые богатые семейства принять мѣры осторожности и переѣхать въ загородные дома. Экипажи съ пожитками и горожанами спѣшно мчались за заставы, но густыя и еще болѣе многочисленныя толпы горожанъ и жителей предмѣстьевъ стремились на бульваръ, на дачу гра-

фини Ланжеронъ и къ другимъ приморскимъ мѣстамъ. Весь берегъ, отъ дома Князя Воронцова до биржи и, съ другой стороны, до дачи графини Ланжеронъ, былъ густо унизанъ черпвшеею массою народа. Съ бульвара нельзя было видѣть всей линіи неприятельской, она скрывалась за карантиннымъ мысомъ. Но съ дачи графини Ланжеронъ она была видна какъ на ладони: въ хорошую зрительную трубу можно было не только видѣть подаваемые эскадрѣ знаки съ флагманскаго корабля и считать пушки, но и замѣчать движеніе на палубѣ. — Эти любопытствующія толпы думали, что торговый городъ, обитаемый большею частію иностранцами, наполненный Англійскими и Французскими товарами, городъ безъ защиты и укрѣпленій,

не имѣлъ, по видимому, никакой причины опасаться нападенія двухъ народовъ, высокопарно возвѣстившихъ, что они не хотятъ нарушать всемірной торговли. По этому-то и было построено на-скоро малое число батарей, чтобы Турецкіе и Египетскіе корабли не напали на Одессу, надѣясь на безнаказанность, обезпечиваемую силами ихъ союзниковъ и покровителей. Но вышло совсѣмъ иное, какъ мы увидимъ далѣе.

Соединенные флоты оставались въ бездѣйствіи тридцать часовъ. 9-го числа, въ страстную Пятницу переселеніе жителей изъ Одессы усилилось. Любопытные, спокойно ожидавшіе развязки этой драмы, окончаніе которой выказало вполнѣ истинное свойство войны, поднятой противъ насъ запад-

ными державами въ союзѣ съ неистовыми врагами Христіанской Вѣры, по вчерашнему покрывали берегъ.

Около четырехъ часовъ по-полудни, адмиралы прислали парламентаря къ Генераль-Адъютанту Барону Остенъ-Сакену съ письмомъ, которымъ требовали, чтобъ имъ тотчасъ же выдалъ всѣ Русскіе, Французскіе и Англійскіе корабли, находящіеся въ практической и карантинной гаваняхъ. Сообщаемъ текстъ письма, написаннаго въ одинаковомъ содержаніи Губернатору Одесскому Адмиралами Дундасомъ и Гамеленомъ.

«Предъ Одессою 21-го (Н. ст.) Апрѣля
1854.

«Господинъ Губернаторъ.

«Такъ какъ въ письмѣ вашемъ отъ

14-го (2-го) Апрѣля дошедшемъ до насъ не прежде нынѣшняго утра, заключаются невѣрныя лишь показанія для оправданія непростительнаго нападенія, въ которомъ провинились Одесскія начальства въ отношеніи къ нашему фрегату и его шлюпкѣ, которые были оба подъ парламентарнымъ флагомъ.

«Такъ какъ, не обращая вниманія на этотъ флагъ, баттарен сего города сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ ядрами какъ по фрегату, такъ и по шлюпкѣ, въ то самое время, когда послѣдняя отвалила отъ набережной мола, куда прибыла съ довѣрчивостью;

«Оба вице-адмирала, главнокомандующіе союзными эскадрами Англіи и Франціи, считаютъ себя въ правѣ тре-

бовать удовлетворенія у Вашего Превосходительства.

« Въ слѣдствіе сего, всѣ Англійскія, Французскія и Русскія суда, стоящія нынѣ близъ крѣпости или баттарей Одесскихъ, имѣютъ присоединиться безъ замедленія къ союзнымъ эскадрамъ.

« Если, при захожденіи солнца, обоими вице-адмиралами не будетъ получено отвѣта, или получится только отвѣтъ отрицательный, они найдутъ себя принужденными прибѣгнуть къ силѣ для отмщенія за оскорбленіе, нанесенное флагу одной изъ эскадръ, хотя по внушенію челоуѣколюбія, имъ прискорбно будетъ принять сіе послѣднее рѣшеніе, возлагая отвѣтственность въ томъ на кого слѣдуетъ.

Примите и проч.

Главнокомандующіе союзными эскадрами Англіи и Франціи, Вице-Адмиралы (подписали) Гамеленъ. Дундасъ.

Его Превосходительству Г. Губернатору города Одессы.

Вызовъ этотъ, какъ можно видѣть, основывается на совершенно ложномъ показаніи о происшествіи, которое Генераль-Адъютантъ Баронъ Остенъ-Сакенъ объяснилъ вполнѣ. Не обращая вниманія на сіи объясненія, адмиралы утверждали, что съ батарей стрѣляли по Англійскому фрегату и по шлюпкѣ его, которые *оба* были подъ парламентарнымъ флагомъ, между тѣмъ, какъ значится изъ описаннаго выше, стрѣляли не по шлюпкѣ, а только по фрегату, который не слушался даннаго ему предувѣдомленія не подходить къ батареямъ. Слѣдовательно не правда,

чтобъ флоты пришли единственно для отмщенія за пушечный выстрѣлъ, потому что адмиралы говорили о немъ только мимоходомъ. Эту минимую причину выставляли уже потомъ, желая чѣмъ нибудь оправдаться въ варварской и безсовѣстной бомбардировкѣ коммерческаго города. При томъ же, если соединенная эскадра дѣйствовала согласно правиламъ національной чести, то зачѣмъ ей было бомбардировать городъ за пушечный выстрѣлъ, вмѣсто того чтобъ истребить одни батареи. Дерзкое и безразсудное требованіе адмираловъ, разумѣется, было оставлено безъ отвѣта.

«Великая Суббота 10-го Апрѣля, останется однимъ изъ самыхъ памят-

(*) На фрегатѣ Фюри поднять былъ *національннй* флагъ, а не *карламонтернскій*. (Съзвѣд.)

ныхъ дней въ лѣтописяхъ Одессы. День этотъ избранъ былъ союзниками враговъ имени Христова, для грознаго нападенія на городъ Христіанскій. Канонада съ непріятельскихъ судовъ началась въ шесть часовъ утра, въ то самое время, когда Превосвященный Пиннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврической, обходилъ соборъ со святою плащаницею. Громъ нѣсколькихъ сотъ пушекъ, распространявшихъ смерть и разрушеніе, смѣшивался съ пѣснопѣніемъ, раздававшимся въ храмахъ, гдѣ населеніе города, усердное и благочестивое, присутствовало въ молитвахъ при умиленномъ священнодѣйствіи погребенія Умершаго на крестѣ во спасеніе рода человѣческаго. Одно ядро упало посреди крестнаго хода; но непріятельскіе выстрѣлы не

воспрепятствовали Его Высокопреосвященству довершить Богослуженіе и благословить жителей и бывшія на соборной площади войска на предстоящіе для нихъ подвиги.

Рокоть пушечной польбы гремѣлъ въ воздухъ; ядра, бомбы, простыя и картечныя, гранаты и конгревовы ракеты сыпались на городъ. Не смотря на видимую опасность, множество зрителей покрывало бульваръ. На Соборной площади стоялъ отрядъ пѣхоты, улановъ и артиллеріи. Гулъ канонады слышенъ былъ здѣсь очень ясно: изрѣдка только можно было различать отдѣльные выстрѣлы; большею же частию это былъ несмолкаемый трескъ, разрываемый вѣтромъ, и то ярко, то слабѣе доносившійся до слуха.

Соборная Площадъ съ примыкающи-

ми въ ней улицами превратилась въ военный станъ. Экипажей на нихъ нигдѣ не было видно; верховые военные, полицейскіе и горожане проносились по разнымъ направленіямъ; уланскіе пикеты мѣрнымъ шагомъ двигались мимо домовъ; пѣшеходы поспѣшно шли по направленію къ морю.

На береговой возвышенности, откуда идетъ пѣшеходный спускъ, было множество народа, слѣдившаго за дѣйствіями громаднѣхъ непріятельскихъ пароходовъ. Когда вѣтеръ разносилъ дымъ, впереди пароходовъ видѣлись канонерскія лодки, пускавшія конгревовы ракеты. Полетъ ядеръ и бомбъ можно было слѣдить, но не глазомъ, а слухомъ: за выстрѣломъ слѣдовалъ визгъ, который изъ рѣзкаго постепенно переходилъ въ слабый и внезапно

смогаль при достиженіи цѣли. Разрывъ бомбъ въ воздухѣ ясно былъ видѣнъ. Полетъ ракетъ можно было хорошо различать: онѣ подымаясь, быстро вращались и оставляли за собою длинную струю дыма. — Послѣ нѣсколькихъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ, вдругъ раздавался залпъ цѣлаго борта, или рокотъ нѣсколькихъ одновременныхъ выстрѣловъ.

На бульварѣ и на пространствѣ отъ дома Князя Воронцова до биржеваго зданія и за нимъ были толпы зрителей. Здѣсь находился и Генералъ Остепъ-Сакенъ съ своимъ штабомъ. Отсюда видна была вся непріятельская эскадра, стоявшая въ боевой линіи, въ виду бульвара; бомба ударила въ пьедесталь монумента дюка де-Ри-

щелью, и заставила зрителей отодвинуться далѣе на правую половину бульвара, къ Биржѣ.—Здѣсь было самое многолюдное стеченіе зрителей, у перилъ передъ зданіемъ и по обѣимъ сторонамъ зданія, здѣсь представлялось глазамъ любопытнѣйшее зрѣлище, которое попеременно наполняло душу ожиданіемъ.

Представьте себѣ едва замѣтную точку въ сравненіи съ окружающими ее непріятельскими силами—это оконечность практическаго мола, на которой устроена батарея, состоящая изъ четырехъ 24-хъ фунтовыхъ пушекъ. Молодой человѣкъ, двадцати одного года, прапорщикъ резервной № 14-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи Щеголевъ командуетъ этой батареей, занимающей пространство не болѣе

пространства какой нибудь комнаты. Девять непріятельскихъ пароходовъ, изъ которыхъ одинъ 54-хъ пушечный и восемь большею частию 52-хъ пушечные, пройдя внѣ выстрѣла мимо первой или правой батареи и атаковавъ постепенно остальные пять батарей, наконецъ сосредоточиваютъ всѣ свои усилія противъ упомянутой батареи; къ пароходамъ присоединяется потомъ линейный 84-хъ пушечный винтовой корабль. Взоры всѣхъ устремлены на этотъ пунктъ. Кажется, одинъ пароходъ, рѣшившись стать съ ~~лицомъ~~ лицомъ къ лицу, могъ бы раздробить его въ прахъ. Триста пятьдесятъ орудій гремятъ противъ него непрерывными выстрѣлами, то раздаваясь батальнымъ огнемъ, то сливаясь въ общій гулъ залповъ. Вся батарея избита ядрами, два орудія под-

биты, и чтоже? Герой этого незабвеннаго дня, имѣя подъ рукою только остальныя два орудія, подъ перекрестными выстрѣлами съ непріятельскихъ судовъ, въ продолженіе шести часовъ, съ непоколебимымъ спокойствіемъ и съ истинно русскимъ самоотверженіемъ, держитъ враговъ въ почтительномъ разстояніи и противоборствуетъ силамъ цѣлой эскадры.

Въ полдень совершена была, подъ громами непріятельскихъ орудій, литургія въ Преображенскомъ Соборѣ. Въ три часа по полудни Щеголевская батарея замолкла, когда загорѣлся находившійся близъ нея досчатый сарай и охватившій ее кругомъ пожаръ сдѣлалъ дѣйствіе ея рѣшительно не возможнымъ. Но непріятель, не дозвольствуясь атакою этой единственной ба-

тарей, обошелъ ее, и зажегъ конгревовыми ракетами большую часть мола и кораблей, стоящихъ въ гавани, и нѣсколько домовъ бѣднаго предмѣстья Пересыпи, крытыхъ соломою, и осыпалъ наконецъ въ тоже время градомъ бомбъ всю часть города, простирающуюся по берегу съ этой стороны. Въ теченіе двѣнадцати часовъ непріятель превосходными своими силами, громилъ городъ съ трехъ разныхъ пунктовъ, окруживъ его треугольникомъ огня и чугуна.—Но благословеніе Божіе видимо освѣняло Одессу. Два раза непріятели пытались дѣлать высадку, но были отбиты съ потерей. Они подходили къ берегу на гребныхъ судахъ, чтобъ ближе бросать свои губительныя конгревовы ракеты, тогда какъ городъ защищался только дву-

ня пушками и сухопутнымъ войскомъ. И при всемъ томъ они не успѣли ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій. У нихъ повреждены были три парохода и отведены на буксирѣ. Они потеряли большое число людей съ опрокинувшихся лодокъ; изъ жителей же ранено и убито менѣе десяти человѣкъ, хотя бомбы и гранаты съ рейда долетали до площади новаго базара и за католическую церковь, а съ судовъ, стрѣлявшихъ у дачи графини Ланжеронъ, за Михайловскій монастырь.—Нѣскольکو десятковъ тысячъ выстрѣловъ, пущенныхъ въ городъ, произвели несравненно меньше вреда, нежели сколько можно было ожидать, потому что пароходы постоянно были удерживаемы въ отдаленіи береговыми батареями. Въ самомъ городѣ не разрушено ни

одного зданія, не было ни одного пожара; конгревовы ракеты падали на городскія зданія уже погасшими; бомбы и гранаты разрывались въ весьма маломъ числѣ. Бѣдствія, произведенныя непріятельскимъ огнемъ, ограничились пробитіемъ стѣнъ и крышъ во многихъ домахъ. На Пересыпи зажжены были конгревовыми ракетами шесть небольшихъ домовъ и соляной магазинъ, въ практической гавани сожжено нѣсколько каботажныхъ судовъ и обгорѣла часть мотовъ; но непріатели не могли истребить огнемъ обширныхъ складовъ строеваго лѣса на Пересыпи. Болѣе всего пострадали отъ поврежденій дома Князя М. С. Воронцова и М. А. Нарышкиной. Въ числѣ сожженныхъ кораблей были одинъ Англійскій, одинъ Австрійскій и одинъ Гол-

ландскій. Три матроса Англійскихъ и Французскихъ убиты ядрами своихъ соотечественниковъ. Однимъ словомъ, вредъ нанесенный Одессѣ во время ея бомбардированія, былъ вовсе въ несообразности съ употребленными на то силами.

Такъ кончился этотъ незабвенный день, въ который благословеніе Божіе одушевило твердостью и мужествомъ какъ геройскихъ защитниковъ, такъ и жителей Одессы.

Въ день свѣтлаго Воскресенія, одинъ только Французскій пароходъ осмѣлился еще подойти къ городу и началъ было стрѣльбу: но нѣсколько выстрѣловъ съ береговыхъ батарей у дачи попали въ него и заставили возвратиться, съ видимымъ поврежденіемъ,

къ флоту, стоявшему верстахъ въ 5-ти отъ города.

Впослѣдствіи узнали, что одна изъ нашихъ бомбъ разбила у одного винтоваго корабля кормовую часть, убивъ нѣсколько человекъ, и зажгла сарый корабль. Въ Среду, утромъ, адмиралъ Дундасъ выслалъ въ Одессу, на Австрійскомъ суднѣ, 49 человекъ шипперовъ и экипажей, бывшихъ на Русскихъ каботажныхъ судахъ, захваченныхъ прежде непріятельскими пароходами на Одесскомъ рейдѣ, у входа въ Очаковскій лиманъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ то же время весь непріятельскій флотъ снялся съ якорей и преважно удалился съ Одесскаго рейда по направленію къ Крыму.

Во время боя, всѣ иностранцы, въ особенности многіе Французы, живу-

щѣ въ Одессѣ, выражали все свое негодованіе и прискорбіе, видя это бѣшеное нападеніе на торговый и почти безоружный городъ.

И такъ, вотъ та умѣренность, вотъ челоуѣколюбіе, съ которыми, по словамъ Англійскихъ и Французскихъ газетъ, Англія и Франція намѣрены были дѣйствовать въ настоящую войну.—Бомбардированіе Одессы служить явнымъ тому противорѣчіемъ. Чтобы доказать свое могущество и удивить міръ великимъ подвигомъ, они выбираютъ открытый торговый городъ, минуя укрѣпленные военные города, имѣющіе арсеналы.—И что выиграли они? Какой цѣли достигли? Они не получили ничего изъ требованнаго ими; сражались безъ чести, держась за выстрѣлаши, или обойдя единственную

батарею (*), съ которой могли поражать ее; убивали и ранили Англичанъ, Французовъ и нейтральныхъ; нанесли важные ущербы своимъ соотечественникамъ, и совершили преступленіе, ничѣмъ не оправдываемое, которое не разъ будетъ служить упрекомъ обѣимъ замыслившимъ его державамъ, достойнымъ союзницамъ Турціи въ этомъ отношеніи, ибо магометане именно въ Страстную недѣлю и на праздникъ Пасхи охотнѣе всего нападали на Христіанъ и умерщвляли ихъ, бомбардировали и жгли города и деревни Христіанскіе въ теченіе войны, начавшейся въ 1821 году съ Греками.

(*) Называемою нынѣ Щеголевскою, въ честь знаменитаго подвига, совершеннаго въ этотъ достопамятный день неустрашимымъ командиромъ ея.

Оборона Одессы, считавшейся досель беззащитною, покажетъ врагамъ нашимъ, какъ сильна и мощна Россія и войскомъ своимъ, и духомъ народнымъ. Свѣтлая недѣля Одессы, гдѣ началась неправедная война двухъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ противъ Россіи, послужитъ свѣтлою провозвѣстницею того, что ожидаетъ надменныхъ сыновъ Запада на всѣхъ предѣлахъ нашего Православнаго Отечества.

И какъ кстати привести здѣсь успокоительное увѣщаніе, которымъ Преосвященный Иннокентій заключилъ слово, произнесенное имъ на Свѣтлое Воскресеніе предъ окончаніемъ литургіи, что «всегда послѣ Великой Пятницы и Великой Субботы бываетъ Свѣтлое Воскресенье.»

Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ удостоилъ Штабсъ-Капитана Щеголева слѣдующимъ рескриптомъ.

Любезный Щеголеву!

Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ Царскою за него наградою.

Посылаю тебѣ Высочайшій Приказъ о производствѣ тебя въ Подпоручики, въ Поручики и въ Штабсъ-Капитаны; грамоту со статутомъ на Всемиловѣйше пожалованный тебѣ Орденъ Св. Георгія и самый Орденъ.

Прилагаю при семъ же и Георгіевскій крестъ съ Моей груди; прими его, какъ подарокъ признательнаго Отца почтенному сыну.

Благодарю тебя за твою мужественную, стойко уставную заслугу; благодарю тебя отъ всѣхъ военноучебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ, и подвигъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести.

Запечатываю еще въ Мой конвертъ два на имя твое письма, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственныя: одно отъ всего Дворянскаго полка, другое отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ ротныхъ совоспитанниковъ.

Спасибо Голубчикъ Щеголевъ; наградиль тебя Государь—наградить тебя и Богъ.

АЛЕКСАНДРЪ

С. Петербургъ, 22 Апрѣля 1854 года.

Поздравительныя письма Дворянскаго полка къ Штабсъ-Капитану Щеголеву.

Дорогой товарищъ и другъ нашъ,
Александръ Петровычъ!

Громкій, совершенный тобою, подвигъ храбрости отразился радостно въ сердцахъ твоихъ бывшихъ товарищей. Какъ Русскіе, — мы должны жертвовать собою такъ же дорогому своему Отечеству. Какъ будущіе воины—вѣрные и благодарные сыны Государю и Отечеству, — твоя храбрость будетъ для насъ примѣромъ. Какъ бывшіе твои товарищи, — мы гордимся тобою. Съ Божіею помощію продолжай идти по той дорогѣ, на которую такъ славно ступилъ; а мы, имѣя твой подвигъ мужества примѣромъ, постараемся идти по слѣдамъ твоимъ. Отъ искренняго

и дружескаго сердца поздравляемъ те-
бя съ Менаршею милостно и остаемся
навсегда уважающіе тебя товарищи,
бывшіе съ тобою въ ротѣ.

Слѣдуютъ подписи.

Дворянскій полкъ имѣетъ честь ра-
достно, душевно поздравить доблестна-
го питомца своего Александра Петро-
вича, съ геройскимъ исполненіемъ дол-
га, во славу Государя, Отечества, въ
достоинство ему самому и въ несом-
нѣннсе соревнованіе всѣхъ воспита-
нниковъ *Дворянскаго полка*.

Слѣдуютъ подписи воспитанниковъ.

Подписали: Генералъ-Лейтенантъ
Воронецъ и все Начальство Дво-
рянскаго полка.

Обнимаю тебя отъ всей души, лю-
безный Щеголевъ, теперь почтенный
Александръ Петровичъ. Богъ да бла-

гословить тебя и впредь, какъ благо-
словлялъ доселѣ.

Подписалъ: *И. Ростовцевъ.*

24-го Апрѣля 1854 года.

ОТВѢТЫ ШТАБСЪ-КАПИТАНА ЩЕГОЛЕВА.

Его Императорскому Высочеству Го-
сударю Наслѣднику Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество!

Осмѣливаюсь благодарить Васъ за
столь драгоценное для меня, испол-
ненное родительской любви, письмо
Ваше, и за подарокъ, который слиш-
комъ для меня дорогъ, и который въ
глазахъ всякаго Русскаго Святѣня;
онъ украшалъ доблестную грудь моего

Августѣйшаго Благодѣтеля, а въ настоящее время украшаетъ грудь Его вѣрнаго сына; отнынѣ пусть этотъ крестъ будетъ новымъ залогомъ моей непоколебимой преданности Престолу и Отечеству. И такъ торжественно клянусь крестомъ Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія и честью артиллериста, что послѣдняя капля крови, текущей въ моихъ жилахъ, будетъ принесена на жертву за Царя, Вѣру и Отечество.

Шесть лѣтъ, проведенныхъ мною въ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ покровомъ нашего незабвеннаго Августѣйшаго Благодѣтеля, въ Бозѣ почивающаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича, и подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества, я тревожимъ

БЫЛЪ ПОСТОЯННО ОДНОЮ МЫСЛЮ ,
 МЫСЛЮ О ДОЛГѢ, КОТОРЫМЪ ОБЯЗАНЫ
 ДОКАЗАТЬ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МОЮ ЗА СТОЛЬ
 МИЛОСТИВОЕ ВНИМАНИЕ АВГУСТЪЙШИХЪ
 МОИХЪ БЛАГОДѢТЕЛЕЙ. СЪ КАКИМЪ НЕТЕР-
 ПѢНІЕМЪ ОЖИДАЛЪ Я ТОЙ МИНУТЫ, КОГДА
 МОГЪ СКАЗАТЬ: ТЕПЕРЬ СОВѢСТЬ МОЯ СПО-
 КОЙНА; Я ИСПОЛНИЛЪ ДОЛГЪ, И ОПРАВ-
 ДАЛЪ ШЕДРОТЫ МОНАРХА. И ВОТЪ НАКО-
 НЕЦЪ, НАСТУПИЛЪ ДАВНО ЖЕЛАНИЙ ЧАСЪ,
 И Я, ПРЕДЪ ЛИЦОМЪ БОГА И ТЫСЯЧИ
 НАРОДА, ПО МѢРѢ СИЛЪ, ДОКАЗАЛЪ МОЮ
 БЛАГОДАРНОСТЬ, ТЕПЕРЬ ЖЕ РАДУЮСЬ, ЧТО
 ХОТЯ АТОМЪ ЭТОЙ МЫСЛИ ПРИВЕЛЪ ВЪ
 ИСПОЛНЕНІЕ.

Но что я исполнилъ! Только долгъ
 свой, а мудрый Монархъ неслыханно на-
 градилъ меня, но, впрочемъ, не даромъ у
 насъ на Святой Руси есть древняя
 пословица: «за Богомъ молитва, и за

Царемъ служба никогда не пропада-
ютъ» и теперь она вполне сто-кратъ
осуществилась. И кто же изъ Русскихъ
послѣ этого не скажетъ, какъ радост-
но пролить кровь за такого мудраго,
милостиваго Монарха! И такъ, да по-
можетъ намъ Всевышній, и да оправ-
даются сказанныя въ Манифестѣ по-
забвенныя слова нашего Великаго
Отца Отечества: «да не постыдимся
во вѣки»; слово Аминь служить отвѣ-
томъ: истинно да будетъ; оно уже для
насъ есть приказаніе Монарха быть
такъ, какъ Онъ желаетъ, и да будетъ
такъ грудь Русскаго крѣпка.

Ваше Императорское Высочество
простите великодушно за смѣлость
моего письма: повѣрьте, что все
сказанное здѣсь исходитъ отъ души
вѣрнаго, преданнаго Престолу и Оте-

честву сына. Прикажете снова представить доказательство моей преданности Престолу, и слово ВАШЕ будетъ свято съ благоговѣніемъ исполнено.

Приношу душевно искреннюю благодарность Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Александровичу, Александру Александровичу и Владиміру Александровичу. (*)

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Высочества покорный слуга и вѣрный сынъ

Александръ Щеголевъ.

Одесса, 1854 года Мая 12 дня.

(*) Ихъ Высочества повелѣли прислать Щеголеву Штабсъ-Капитанскія зполеты.

Генералъ-Лейтенанту Ростовцеву.
Ваше Превосходительство

Яковъ Ивановичъ

Нѣтъ словъ, въ которыхъ бы я могъ выразить Вамъ мою душевную признательность за столь драгоценныя для меня ваши строки, строки того, который заступалъ мнѣ мѣсто отца, и подъ покровительствомъ котораго я находился шесть лѣтъ. Повѣрьте, что онѣ будутъ для меня Священны и до конца жизни сохранятся въ моей памяти.

Благословеніе Ваше принимаю съ благоговѣніемъ, какъ благословеніе отца.

Извините великодушно за сиблость этихъ малыхъ, но исходящихъ отъ души строкъ. Повѣрьте, что ихъ говорить вамъ преданный, покорный сынъ.

А Щеголевъ.

Генералъ-Лейтенанту Воронцу.

Ваше Превосходительство

Долгомъ считаю благодарить Васъ за Ваши поздравительныя строки, столь для меня драгоценныя, какъ строки того, который мнѣ заступалъ мѣсто отца, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ поблагодарить, отъ моего имени, бывшихъ моихъ ротныхъ товарищей, а также и весь Дворянскій Полкъ за ихъ душевный привѣтъ.

Не нахожу болѣе словъ выразить Вамъ мою признательность.

Преданный вамъ душою,

Вашъ покорный слуга

А. Щеголевъ.

К О Н Е Ц Ъ .